

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2022.57.23.011

Некоторые аспекты инкорпорации Кавказа в Российскую Империю

Шаов Ибрагим Капланович

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного и административного права,
Адыгейский государственный университет,
385016, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: shaov@mail.ru

Дзыбова Саида Гиссовна

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного и административного права,
Адыгейский государственный университет,
385016, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: dzibova.s@mail.ru

Хлебникова Анна Андреевна

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры правовых дисциплин,
Филиал Адыгейского государственного университета
в г. Белореченске,
352633, Российская Федерация, Белореченск, ул. 8 Марта, 57/1;
e-mail: stakhova69@mail.ru

Аннотация

В статье говорится об инкорпорации в состав Российской империи территорий Кавказа, обладавших чертами международно-правовой субъектности. Авторы указывают на то, что инкорпорация в состав Российской империи как прямой итог оккупации имела место крайне редко. Весь период, на протяжении которого происходило присоединение кавказских земель, Российская империя становится наиболее мощной военной державой Европы. Процесс инкорпорации северо-причерноморских и северокавказских территорий в состав Российской империи на протяжении XVIII века отражал уровень международно-правовых норм и полностью регулировался двусторонними договорами (русско-турецкими и в меньшей степени русско-крымскими). Юридическая политика Российской империи в отношении приобретаемых территорий может быть охарактеризована как сдержанная. Каждое действие и, тем более, юридический акт проходили многоэтапное обсуждение. Процесс инкорпорации северо-причерноморских и северокавказских территорий в состав Российской империи на протяжении XVIII века отражал уровень международно-правовых норм и полностью регулировался двусторонними договорами

(русско-турецкими и в меньшей степени русско-крымскими). Окончательный этап инкорпорации кавказских государственных и государствовподобных территорий в состав Российской империи был связан с интеграцией права, правовых обычаев и институтов в имперское юридическое пространство.

Для цитирования в научных исследованиях

Шаов И.К., Дзыбова С.Г., Хлебникова А.А. Некоторые аспекты инкорпорации Кавказа в Российскую Империю // Вопросы российского и международного права. 2022. Том 12. № 9А. С. 67-75. DOI: 10.34670/AR.2022.57.23.011

Ключевые слова

Инкорпорация, европейское посредничество, российско-османские отношения, режим протектората, «просительные пункты», интеграция права, адатные, шариатские и российские судебные институты и практики.

Введение

«Инкорпорация в состав Российской империи территорий Кавказа, обладавших чертами международно-правовой субъектности (Большой и Малой Кабард, Западной Черкесии, Абхазии, Имеретинского царства, Картли-Кахетинского царства, Дагестана и ханств Азербайджана) являлась длительным военно-дипломатическим и правовым процессом. Его хронологические рамки обозначаются от 1768 г., когда началась русско-турецкая война 1768–1774 гг., в ходе которой российские войска впервые массированно вошли в Черкесию и Грузию, и до 1864 г., когда сразу после окончания Кавказской войны было «упразднено» Абхазское княжество» [Шаов, Чирков, Гайдарева, 2021, 35].

Инкорпорация в состав Российской империи как прямой итог оккупации имела место крайне редко. В отношениях с Османской империей таких примеров не существует, несмотря на то что и Российская империя, и другие европейские государства не считали Османскую империю полноценным субъектом международно-правовых отношений [Дзыбова, Шадже, Шаов, 2018, 8].

Основная часть

На протяжении этого почти векового периода Российская империя вела с Османской империей пять войн, результаты которых были отражены в мирных договорах: 1768–1774 гг. (Кючук-Кайнарджи); 1787–1791 гг. (Яссы); 1806–1812 гг. (Бухарест); 1828–1829 гг. (Адрианополь); 1853–1856 гг. (Париж). Первые три войны и мирных трактата отражали более или менее равновесное состояние соперничающих держав. Четвертая война стала гораздо более скоротечной и привела к почти тотальному поражению Турции. Российские войска дошли до Адрианополя на Балканах (в регионе «Европейской Турции») и до важнейшие крепости Эрзерум, контролировавшей подступы к Анатолии, сердцевинной земле (core area) Османской империей.

Это состояние ослабленности Османской империи вызвало к жизни интенсивное европейское посредничество на грани прямого военного вмешательства. Правительство и Государственный совет при Николае I посчитали более рациональным умерить требования и позволить Османской империи выйти из состояния войны с Российской империей на гораздо

более приемлемых для нее условиях, чем это диктовалось военным разгромом.

В 1733 г. на фоне поражения султанской армии от войск его египетского вассала последовал русско-турецкий Ункяр-Искелесский договор, который являлся по сути союзническим (хотя и неравноправным) и впервые закрепил преимущественные права судоходства в Черном море и в Проливах для Российской империи. Это в еще большей степени сделало турецкое направление российской экспансии вопросом международного напряжения. Соответственно, пятый конфликт между империями превратился сразу в войну Российской империи против коалиции в составе Османской империи, Великобритании, Франции, Египта (сохранявшего государственную-правовую связь с османской метрополией) и еще ряда государств. Последовал Парижский мир, который зафиксировал поражение Российской империи и отменил не только все ее преимущества в бассейне Черного моря, но и право иметь черноморский военный флот.

В новую масштабную войну с Османской империей 1877–1878 гг. Россия вступит уже в новом качестве государства, прошедшего ряд важных реформ (в их числе и военную). По итогам Берлинского мира к Российской империи отойдет населенная грузинами-мусульманами Аджария, а на Балканах появится новый российский протекторат в лице Болгарского царства. Период правления Александра II станет временем наибольших территориальных приращений Российской империи.

Таким образом, весь тот период, на протяжении которого происходило присоединение (мирное и насильственное) кавказских земель Российской империи являлась наиболее мощной военной державой Европы.

Одной из наиболее основополагающих черт данного процесса являлась его обусловленность русско-османскими отношениями и в гораздо меньшей степени конфликтами и договорами с Ираном. Иранское направление предоставило Российской империи доминирование над Азербайджаном и Южным Дагестаном. В целом, Дагестан был таким регионом мира, который в XVI–XVIII вв. де-факто и де-юре сохранял независимость от крупнейших держав. По этой причине, его присоединение к Российской империи не регулировалось договорами с Портой, которая, тем не менее, пыталась «воодушевлять» дагестанских горцев на «священную» борьбу с христианской империей.

Дагестан был присоединен силой на протяжении 1817–1859 гг. и являлся важнейшим театром военных действий Кавказской войны. Само это определение капитуляция («капитуляция имама Шамиля») свидетельствует о характере присоединительного процесса. Таким же военным было присоединение Чечни, которая как значимый в демографическом и военном отношениях субъект кавказской политики появилась в XVIII в. и с самого начала своих контактов с Российской империей избрала стратегию сопротивления (разгром 6 июля 1785 г. отряда полковника де Пьери сторонниками шейха Мансура). К началу русско-турецкой войны 1768–1774 гг. [Чедия, 2019]. у Чечни еще не сложились государственно-правовые отношения с Османской империей и Российской империей.

Черкесско-абхазско-грузинская зона находилась в орбите османского влияния с последней четверти XV столетия. Поэтому при рассмотрении процесса инкорпорации этих земель и народов в состав Российской империи в 1768–1864 гг. необходимо принимать во внимание фундаментальное обстоятельство: присоединялся не абстрактный или этнографический Кавказ, а вполне определенные государственные и государствовоподобные образования, пребывавшие под власть Порты. Картли-Кахетинское царство в этом отношении также уместно рассматривать преимущественно через призму русско-османского соперничества, поскольку оно с 40-х годов XVIII в. практически полностью вышло из-под власти Ирана и испытывало возрастающее воздействие Османской империи (картлийско-османский договор 1786 г.).

Описанный подход составляет отличительную черту предпринятого исследования. Османский контроль над Имеретией, Мегрелией, Гурией поддерживался в основном через пашей Ахалциха, а также, эпизодически, через пашей Трапезунда и Эрзурума. В целом, османское доминирование над западногрузинскими государствами отличалось осуществлением умеренной политики, направленной на поддержание сложившегося в середине XVI в. статус-кво.

Османское правительство не стремилось усилить подчиненность, принудить к принятию ислама, увеличить налоговую нагрузку, ввести систему административного управления, сложившуюся во внутренних районах империи. Османы не прибегали также к практике депортаций, как это делали Сефевиды в отношении Картли и Кахети. При общем недовольстве властью иностранной и иноверной державы, в среде западногрузинской элиты существовали определенные османофильские настроения, обеспечивавшие преимущественно мирные формы взаимодействия с региональной и центральной властью Османской империи [Шаов, Имгрунт, Дзыбова, 2021, 5].

В еще более выраженной форме осознанная военная и политическая ориентация на Порту сложилась в Черкесии. Первоначально осmano-черкесские контакты были враждебными. Особенно это проявилось в 30–50-е гг. XVI в. Но впоследствии, в силу воздействия геополитических факторов, черкесская знать (за исключением «дома» Темрюка Идарова) признала османское подданство и стала все более тесно подключаться к османским завоевательным проектам. Яркое выражение этого сотрудничества: участие черкесов в осmano-сефевидской войне 1578–1590 гг.

На протяжении XVII–XVIII вв. Западная Черкесия ни разу не вошла в конфликт с Османской империей и Крымским ханством. Хотя, надо понимать, что осmano-крымские отряды эпизодически появлялись в черкесских землях для поддержки той или иной княжеской коалиции. В 20-е годы XVII в. католические миссионеры в Крымском ханстве и Черкесии подчеркивали фактическую независимость черкесских владений от Бахчисарая и то обстоятельство, что крымцы не осуществляли более массированных вторжений. С 40-х гг. спланировавшим крымцев и черкесов фактором стало калмыцкое вторжение.

Отношения с ханством и Портой очень серьезно были разрушены в период Канжальского конфликта 1708 г. Войной кабардинцев и ханства постарался воспользоваться Петр I, который убедил княжескую элиту Большой Кабарды выступить на стороне России в ходе русско-турецкой войны 1710–1713 гг. Оказать реальную поддержку Кабарде российский самодержец был не в состоянии, поскольку потерпел достаточно очевидное фиаско в Молдавии.

В 1724 г. вали Большой Кабарды Асланбек Кайтукин примирился с Крымским ханством, что вызвало раскол внутри правящего класса (баксанская и кашкатавская партии).

В 1739 г., согласно Белградскому мирному договору между Российской империей и Османской империей, Большая и Малая Кабарды стали порубежными территориями, в дела которых стороны обещали не вмешиваться. Очень скоро Российская империя нарушила свои обязательства и в 1744 г. предприняла попытку строительства Моздокского укрепления. Это насторожило кабардинский владельческий класс, и он постепенно стал все более возвращаться под влияние крымцев и османов. Эта первая попытка возведения крепости на землях Большой Кабарды не удалась из-за вмешательства Крымского ханства и Османской империи. Но в 1763 г., воспользовавшись конфликтом между владельцами Малой Кабарды и властями Большой Кабарды, войска Российской империи аннексировали Моздок и его окрестности. Это событие положило конец распрям в Большой Кабарде и 40-летний раскол на две группировки был преодолен. Прибегнув к знаменитой метафоре Арнольда Тойнби о «вызове и ответе» в

историческом процессе, мы можем сказать, что Большая Кабарда консолидировалась на почве отстаивания своих владельческих интересов. И в войне 1768–1774 гг. Большая Кабарда приняла сторону Крымского ханства и Османской империи.

Процесс инкорпорации северо-причерноморских и северокавказских территорий в состав Российской империи на протяжении XVIII века отражал уровень международно-правовых норм и полностью регулировался двусторонними договорами (русско-турецкими и в меньшей степени русско-крымскими).

Юридическая политика Российской империи в отношении приобретаемых территорий может быть охарактеризована как сдержанная. Каждое действие и, тем более, юридический акт проходили многоэтапное обсуждение. Таким образом, восприятие процесса территориального роста Российской империи в XVIII в. только через устоявшуюся в исторической литературе концепцию неизбежности территориальной экспансии империи, не выдерживает критики. Задуманный и осуществленный в реальности проект независимого Крымского ханства (1772–1783 гг.); полувековой, а вместе с «белградским» периодом, 73-летний этап неполной инкорпорации на особых условиях Кабарды, свидетельствуют о высокой роли юридических аргументов в формировании российской политики в обширном «барьерном» регионе [Дзыбова, Шадже, Шаов, 2018, 9].

Аннексия Восточной Грузии (Картли-Кахетинского царства) началась с установления режима протектората в 1783 г. (Георгиевский трактат). Принятие российского протектората не только не усилило внешнеполитические позиции государства Ираклия II, но и резко ослабило их на фоне непоследовательной политики Российской империи в регионе Южного Кавказа. Наиболее очевидным действием правительства Екатерины II, шедшим вразрез с союзным договором, стал вывод войск из Грузии в сентябре 1787 г., в условиях уже объявленной Портой войны. Несмотря на это, Георгиевский договор не был аннулирован ни одной из сторон [Шаов, Жаде, Чирков, 2021, 29].

В 1801 г. было осуществлено присоединение Картли-Кахети в качестве «Грузинской области» и при полном «упразднении» институтов местной монархии. Этот шаг российского правительства носил внешнеправовой характер, поскольку все содержание предшествовавших ему переговоров базировалось на идее сохранения грузинской монархии внутри Российской империи. Складывается впечатление, что Павел I и Александр I опасались этой модели инкорпорации, помещавшей древний православный царский род в одно правовое пространство с Романовыми.

В целом, два манифеста о присоединении Картли-Кахетинского царства отразили практику имперского, одностороннего действия, несмотря на всю длительную историю переговоров и неоднократно выражавшегося грузинской стороной стремления войти в состав Российской империи.

Российские монархи исходили также из собственного патерналистского восприятия окружающего мира, при котором они совершали все то, что «было хорошо для грузинского народа». И, действительно, от присоединения в качестве территориальной провинции во главе с российским генерал-губернатором, выиграли грузинские горожане, дворяне и крестьяне. Высшие феодальные круги и «дом» Багратиони были крайне недовольны состоявшимся полунасильственным присоединением. До такой степени, что ими были инспирированы массовые волнения, вооруженные восстания, массовые побеги в Иран. Царевич Александр Багратиони возглавил, вместе с еще рядом принцев, вооруженное сопротивление. Гневная реакция на «упразднение» царства ярко проявилась в убийстве 18 апреля 1803 г. генерала И.П. Лазарева вдовствующей царицей Марией.

Процесс инкорпорации Западной Грузии (Имеретинского царства, Мегрельского и Гурийского княжеств) в состав Российской империи происходил в рамках более общего процесса территориальной экспансии Российской империи на Южном Кавказе. Возможность для присоединения Имеретии к Российской империи возникла не в ходе русско-турецких войн и сопровождавших их переговоров, но в тот период, когда две империи – Османская и Российская – стали союзниками. Два союзных, оборонительных договора, 1799 и 1805 гг., были направлены против наполеоновской Франции и создали внешнеполитическую основу для мирного присоединения к России в первой половине 1804 г. Имеретинского царства и номинально подчиненного ему Мегрельского владения.

На основе присяги и одобренных Александром «просительных пунктов», своего рода импровизированного «трактата», имеретинский царь стал вассалом русского императора. В Имеретию был введен небольшой отряд русских войск, численность которого в дальнейшем постепенно увеличивалась. На протяжении 1801–1804 гг., таким образом, имел место процесс установления режима протектората над Имеретинским царством. Недовольный фактической утратой власти, Соломон II развил деятельность, направленную на сохранение автономии Имеретинского царства в составе Российской империи [Шаов, 2021, 187]. Борьба происходила в условиях русско-турецкой войны и завершилась ликвидацией имеретинской государственности и бегством Соломона II в Османской империи.

Отличительной чертой акта присоединения Абхазии к Российской империи в 1810 г. является его не вполне выверенный с правовой позиции характер. «Утвердительная грамота» Александра не была опубликована, что оставляло возможность отказаться от Абхазии и вернуть ее Османской империи [Шаов, Жаде, Чирков, 2021, 32], как того и требовал Бухарестский мир 1812 г. Спорный статус Абхазии и Сухума сохранялся до 1826 г., когда российской дипломатии удалось получить от представителей Порты признание вхождения их в Россию.

Существование Абхазского княжества как автономного образования первоначально было продлено тем фактором, что оно располагалась в самой непосредственной близости с османским Северо-Западным Кавказом (Западной Черкесией), а после 1829 г. – войной с черкесскими горскими политиями, которые отказывались признавать российскую власть. Крайне символично, что «упразднение» Абхазского княжества и ссылка ее правителя генерал-лейтенанта М. Шервашидзе в Воронеж случились в 1864 г.

Присоединение Северо-Западного Кавказа (Закубанской Черкесии) к Российской империи произошло по Адрианопольскому мирному договору 2 (14) сентября 1829 г. К России отошла территория, ранее находившаяся под юрисдикцией Османской империи, но не поставленная под российский военный контроль в ходе русско-турецкой войны 1828-1829 гг. В тексте Адрианопольского договора эта территория не описана ни в политико-правовых, ни в географических терминах. При этом отказ Порты от Закубанской Черкесии стал наиболее важным для Российской империи территориальным приобретением, полученным по Адрианопольскому договору.

Непризнание черкесами Адрианопольского договора обратило на них внимание правительства и парламента Великобритании, позволив актуализировать «черкесский вопрос» как важную составляющую «восточного вопроса». В результате, возникла значительная публицистическая литература, оспаривающая права Российской империи на Северо-Западный Кавказ (Д. Уркарт, К. Маркс и др.).

Присоединение осуществлялось путем принятия присяг на верноподданство, принесенных различными обществами как сразу после их оповещения о достигнутом между державами

соглашении, так и после многих лет вооруженного сопротивления. В отличие от Грузии здесь не было использовано такой формы как двусторонний договор о признании верховной власти российского императора, получившего наименование «просительные пункты». Также российская сторона не издавала ни торжественных государственно-правовых актов (грамот и манифестов), ни специальных законов, описывающих административное устройство и правовой статус присоединяемых владений [Шаов, 2021, 29].

Заключение

Окончательный этап инкорпорации кавказских государственных и государствовподобных территорий в состав Российской империи был связан с интеграцией права, правовых обычаев и институтов в имперское юридическое пространство. Начиная с организации Верхнего пограничного суда в Моздоке в 1793 г. и вплоть до судебной реформы 1864 г., на Северном Кавказе сформировалось полиюридическое поле, объединявшее адатные, шариатские и российские судебные институты и практики.

Библиография

1. Дзыбова С.Г., Шадже А.М., Шаов И.К. Крым и Северный Кавказ в международно-правовом поле XVIII века // Право и практика. 2018. № 4. С. 6-12.
2. Чедия А.Р. Западный Кавказ в Черноморской политике Османской империи в XVII – первой четверти XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2019. 278 с.
3. Шаов И.К., Жаде З.А., Чирков Ф.В. Международно-правовые аспекты инкорпорации Абхазского княжества в состав Российской империи: Высочайшая грамота (1810), Бухарестский мир (1812), Аккерманская конвенция (1826) // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 2. С. 31-38.
4. Шаов И.К., Жаде З.А., Чирков Ф.В. Установление российского протектората над Картли-Кахетинским царством в 1783 году: Международно-правовые аспекты // Юридическая наука. 2021. № 3. С. 26-32.
5. Шаов И.К., Имгрунт С.И., Дзыбова С.Г. Проблемы юрисдикции Османской империи над Западной Грузией // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11. № 4-1. С. 5-16.
6. Шаов И.К. Присоединение Имеретинского царства к Российской империи, 1783-1804 гг. // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11. № 2-1. С. 181-192.
7. Шаов И.К. Присоединение к Российской империи Северо-Западного Кавказа (Закубанской Черкесии) по условиям Адрианопольского договора 1829 г. // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 7. С. 28-34.
8. Шаов И.К., Чирков Ф.В., Гайдарева И.Н. Инкорпорация Западной Грузии в состав Российской империи, 1774-1826: Международно-правовой аспект // Юридическая наука. 2021. № 2. С. 34-41.

Some aspects of the incorporation of the Caucasus into the Russian Empire

Ibragim K. Shaov

PhD in Law,
Associate Professor of the Department of Constitutional
and Administrative Law,
Adygea State University,
385016, 208, Pervomaiskaya str., Maikop, Russian Federation;
e-mail: shaov@mail.ru

Saida G. Dzybova

PhD in Law,
Associate Professor of the Department
of Constitutional and Administrative Law,
Adygea State University,
385016, 208, Pervomaiskaya str., Maikop, Russian Federation;
e-mail: dzibova.s@mail.ru

Anna A. Khlebnikova

PhD in Law,
Associate Professor of the Department of Legal Disciplines,
Branch of the Adygea State University in Belorechensk,
352633, 57/1, Vos'mogo Marta str., Belorechensk, Russian Federation,
e-mail: stakhova69@mail.ru

Abstract

The article refers to the incorporation of the territories of the Caucasus into the Russian Empire, which had the features of international legal subjectivity. The authors point out that incorporation into the Russian Empire as a direct result of the occupation was extremely rare. The entire period during which the annexation of the Caucasian lands took place, the Russian Empire became the most powerful military power in Europe. The process of incorporation of the North Black Sea and North Caucasian territories into the Russian Empire during the 18th century reflected the level of international legal norms and was fully regulated by bilateral agreements (Russian-Turkish and, to a lesser extent, Russian-Crimean). The legal policy of the Russian Empire in relation to the acquired territories can be characterized as restrained. Each action and, moreover, a legal act underwent a multi-stage discussion. The process of incorporation of the North Black Sea and North Caucasian territories into the Russian Empire during the 18th century reflected the level of international legal norms and was fully regulated by bilateral agreements (Russian-Turkish and, to a lesser extent, Russian-Crimean). The final stage of the incorporation of the Caucasian state and state-like territories into the Russian Empire was associated with the integration of law, legal customs and institutions into the imperial legal space.

For citation

Shaov I.K., Dzybova S.G., Khlebnikova A.A. (2022) Nekotorye aspekty inkorporatsii Kavkaza v Rossiiskuyu Imperiyu [Some aspects of the incorporation of the Caucasus into the Russian Empire]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 12 (9A), pp. 67-75. DOI: 10.34670/AR.2022.57.23.011

Keywords

Incorporation, European mediation, Russian-Ottoman relations, protectorate regime, “petition points”, integration of law, adat, Sharia and Russian judicial institutions and practices.

References

1. Chediya A.R. (2019) *Zapadniy Kavkaz v Chernomorskoj politike Osmanskoi imperii v XVII – pervoi chetverti XIX vv. Doct. Dis.* [The Western Caucasus in the Black Sea Policy of the Ottoman Empire in the 17th – the first quarter of the 19th centuries. Doct. Dis.]. Moscow.
2. Dzybova S.G., Shadzhe A.M., Shaov I.K. (2018) Krym i Severnyi Kavkaz v mezhdunarodno-pravovom pole XVIII veka [Crimea and the North Caucasus in the international legal field of the 18th century]. *Pravo i praktika* [Law and Practice], 4, pp. 6-12.
3. Shaov I.K., Chirkov F.V., Gaidareva I.N. (2021) Inkorporatsiya Zapadnoi Gruzii v sostav Rossiiskoi imperii, 1774-1826: Mezhdunarodno-pravovoi aspekt [Incorporation of Western Georgia into the Russian Empire, 1774-1826: International Legal Aspect]. *Yuridicheskaya nauka* [Legal Science], 2, pp. 34-41.
4. Shaov I.K., Imgrunt S.I., Dzybova S.G. (2021) Problemy yurisdiktsii Osmanskoi imperii nad Zapadnoi Gruziei [Problems of the Osman Jurisdiction over the Western Georgia] *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 11 (4A), pp. 5-16.
5. Shaov I.K. (2021) Prisoedinenie Imeretinskogo tsarstva k Rossiiskoi imperii, 1783–1804 gg. [The incorporation of the Kingdom of Imereti within the Russian Empire, 1783–1804]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 11 (2A), pp. 181-192.
6. Shaov I.K. (2021) Prisoedinenie k Rossiiskoi imperii Severo-Zapadnogo Kavkaza (Zakubanskoi Cherkessii) po usloviyam Adrianopol'skogo dogovora 1829 g. [Accession to the Russian Empire of the North-Western Caucasus (Trans-Kuban Circassia) under the terms of the Adrianople Treaty of 1829]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian legislation], 14, 7, pp. 28-34.
7. Shaov I.K., Zhade Z.A., Chirkov F.V. (2021) Mezhdunarodno-pravovye aspekty inkorporatsii Abkhazskogo knyazhestva v sostav Rossiiskoi imperii: Vysochaishaya gramota (1810), Bukharestskii mir (1812), Akkermanskaya konventsiya (1826) [International legal aspects of the incorporation of the Abkhaz principality into the Russian Empire: the Highest charter (1810), Bucharest Peace (1812), Akkerman Convention (1826)]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian legislation], 14, 2, pp. 31-38.
8. Shaov I.K., Zhade Z.A., Chirkov F.V. (2021) Ustanovlenie rossiiskogo protektorata nad Kartli-Kakhetinskim tsarstvom v 1783 godu: Mezhdunarodno-pravovye aspekty [Establishment of a Russian protectorate over the Kingdom of Kartli-Kakheti in 1783: International legal aspects]. *Yuridicheskaya nauka* [Legal Science], 3, pp. 26-32.